

УДК 322

РОЛЬ УПОЛНОМОЧЕННЫХ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЕРОИСПОВЕДНОЙ ПОЛИТИКИ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ¹ (1960–1980-Е ГГ.)

О. Б. Молодов

Институт социально-экономического развития территорий РАН, 160014, Вологда, ул. Горького, д. 56а
o_young8172@mail.ru

Рассматривается деятельность региональных уполномоченных Совета по делам религий (в 1943–1964 гг. – Совета по делам Русской православной церкви) при Совете министров СССР. Их статус и деятельность имели противоречивый характер, зависели от вектора вероисповедной политики Коммунистической партии и Советского государства, а отчасти от личности самого уполномоченного. Статья подготовлена на материалах региональных государственных и церковных архивов Архангельской и Вологодской областей.

Ключевые слова: государство, Русская православная церковь, Совет по делам религий, уполномоченные, духовенство, верующие.

Изучение государственно-конфессиональных отношений в СССР остается актуальным, поскольку в современной России существует комплекс проблем, связанных с особенностями статуса традиционных религий, реализацией вероисповедных свобод представителями новых религиозных движений, преподаванием основ религии в школе и ростом экстремистских проявлений.

Великая Отечественная война стала в определенном смысле переломным этапом в развитии отношений Советского государства с религиозными объединениями, в первую очередь с Русской православной церковью (РПЦ). В 1943 г. в русле реформы государственно-церковных отношений создаются специализированные контрольные органы: Совет по делам религиозных культов и Совет по делам РПЦ (СДРПЦ). Впоследствии на основании Постановления Совета министров СССР от 8 декабря 1965 г. эти органы объединились в единый Совет по делам религий (СДР) при Совете Министров СССР, существовавший до 1991 г.

В начале XXI в. появились специальные исследования, посвященные СДРПЦ и СДР [Маслова, 2005, с. 52–65; Одинов, Чумаченко, 2005; Чумаченко, 2011; Демидова, 2007, с. 94–96]. Характеристика деятельности региональных уполномоченных этих советов «красной нитью» проходит по большинству работ по истории государственно-церковных отношений в СССР, подготовленных на основе материалов республиканских, краевых и областных архивов. Преимущественное использование «фондов уполномоченных» в ущерб остальным источникам даже стало своеобразной «болезнью» исследователей религиозности в позднем СССР [Митрохин, 2012, с. 505–511]. Наряду с архивными фондами уполномоченного СДР по Архангельской (ГААО. Ф. 5620) и Вологодской области (ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14) нами привлечены материалы фондов районных Советов депутатов трудящихся, райисполкомов, а также текущих архивов северных православных епархий. В архивных документах содержатся как нормативные акты, закрепляющие статус СДР и его уполномоченных, так и различные материалы, посвященные их повседневной деятельности.

Основы правового статуса СДР были определены закрытым постановлением Совета министров СССР № 361 от 10 мая 1966 г., утвердившим Положение о СДР (ГАВО. Ф. 1300. Оп. 22. Д. 97. Л. 194–195). Структура и штаты центрального аппарата СДР были утверждены 17 марта 1966 г. (ГАВО. Ф. 1300. Оп. 22. Д. 97. Л. 119–119 об). Главными задачами Совета провозглашались контроль за соблюдением Конституции СССР и Декрета СНК РСФСР от 20 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», изучение и обобщение практики применения законодательства о культах. В нем также указано, что Совет имеет право принимать решения о регистрации и снятии с регистрации религиозных объединений, об открытии и закрытии молитвенных зданий и домов; проверять деятельность религиозных организаций в части соблюдения ими законодательства о культах и давать обязательные предписания об устранении его нарушений; ставить вопрос о привлечении лиц, виновных в нарушении законодательства о культах, к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности.

Советы имели своих уполномоченных на местах (УСДР) – на уровне республик (без областного деления), краев и областей. Уполномоченный по своей должности входил в Совет, но в служебной деятельности ему подчинялся. Он назначался на должность и освобождался СДР по представлению краевых или областных исполкомов Советов депутатов трудящихся. На своей должности уполномоченные обычно находились подолгу. За исследуемый период в Вологодской области сменилось всего три: С.В. Матасов (1960–1975), В.П. Николаев, который скончался до выхода на пенсию (1976–1988), Н.А. Воронин (1988 – 1990). В Архангельской области ротация уполномоченных производилась чаще. Дольше остальных – 12 лет (1975–1987) – проработал В.А. Томилов, бывший сотрудник КГБ СССР.

Статьи 9–10 Положения о СДР предусматривали следующие функции уполномоченных: учетно-контрольную, толкования законодательства о религиозных культах, информирования центрального аппарата СДР, оказания помощи комиссиям содействия по соблюдению законодательства о культах, создаваемым при рай(гор)исполкомах. Пункт «г» ст. 9 Положения говорил о возможностях решения уполномоченным иных вопросов, связанных с деятельностью религиозных организаций. Таким образом, в Положении перечень полномочий этого должностного лица оставался открытым.

Несколько ранее, 16 марта 1961 г., была принята Инструкция по применению законодательства о культах (ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 98. Л. 72–81), где правам уполномоченных Совета уделено определенное внимание и отчасти восполняется пробел указанной статьи Положения. В частности, уполномоченный рассматривал ходатайства верующих (как правило, о регистрации религиозного объединения и открытии храма), проверяя их основательность (абз. 1 ст. 21 Инструкции). Кроме того, он регистрировал и мог снимать с регистрации служителей культа. Инструктивное письмо СДРПЦ № 1931 от 27 июля 1962 г. распространило установленный порядок регистрации на псаломщиков, которые стали учитываться как кадры духовенства.

Будучи по существу представителями центрального ведомства на местах, уполномоченные работали при исполкомах Советов депутатов трудящихся (республиканских и областных). Своеобразие их места в системе органов власти приводило к некоторым сложностям во взаимоотношениях с иными государственными органами и коллегами из других регионов. В начале 1960-х гг. обязанности уполномоченного исполнялись по совместительству. Уполномоченный СДРПЦ по Вологодской области С.В. Матасов в 1962 г. писал: «Я совместитель. В облисполкоме мои обязанности уполномоченного никто не учитывает. Совет тоже не балует вниманием. <...> Возможности поделиться опытом лишен. Бумаги, которые Совет шлет, говорят далеко не все, что мне хотелось бы узнать» (ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 23. Л. 51).

Функционально уполномоченные взаимодействовали с исполкомами областных Советов депутатов трудящихся, идеологическими отделами райкомов и обкомов КПСС, правоохранительными органами на местах (КГБ и МВД), комиссиями при райисполкомах по соблюдению законодательства о религиозных культах, средствами массовой информации.

Ежегодно уполномоченным составлялся план работы, утверждаемый одним из заместителей председателя облисполкома, курировавшим это направление деятельности. В основном в планах закреплялись учетно-контрольные мероприятия, социологические обследования, совещания и семинары с активистами атеистической деятельности (ГААО. Ф. 1948. Оп. 3. Д. 822. Л. 1–3). Кроме того, в помощь районным властям уполномоченным ежегодно рассылались памятки об основных церковных праздниках и постах для ознакомления и организации контроля за всеми религиозными проявлениями (ГААО. Ф. 1948. Оп. 3. Д. 1085. Л. 1, 58). Рай(гор)исполкомы направляли уполномоченному подробные справки и информацию о религиозной обстановке в районе (городе), которые последним обобщались для СДР. Уполномоченные имели возможность выявлять нарушения без выезда на место, поскольку у них сосредоточивалась информация об обрядности, доходах и расходах религиозных обществ и деятельности местных советских органов.

Пользуясь правом толкования законодательства о культах, уполномоченный разъяснял чиновникам райисполкомов сущность его отдельных норм, часто весьма размытых и неоднозначно сформулированных. «Разъясняю, что право пополнить состав двадчатки принадлежит райисполкому, а не самой двадчатке. Верующие должны обращаться с этой просьбой в райисполком» (ГАВО. Ф. 826. Оп. 7. Д. 140. Л. 4). Что касается ношения духовной одежды священнослужителями, которое законодательством не регулировалось, то повсеместно уполномоченные стремились запретить

это [Эдельштейн, 2005, с. 24].

УСДР непосредственно взаимодействовали с представителями православного духовенства и лицами, желающими пополнить ряды служителей культа. Именно от них зависела судьба людей, стремящихся получить справку об их регистрации как священнослужителей. На каждого священника, диакона или псаломщика заводилась учетная карточка с данными о личности и служебных перемещениях (ГААО. Ф. 894. Оп. 9. Д. 2500. Л. 19–19 об.).

Ходатайства о регистрации уполномоченным рассматривались с точки зрения интересов КПСС и государства и исходя из своего субъективного мнения: «причин не регистрировать этого священника не было, но и оставлять его на службе *не хотелось*» (ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 98. Л. 220). Иногда при регистрации приоритет отдавался священнослужителям, имевшим «темные пятна» в биографии: снятие с регистрации в другой епархии, исключение из духовного учебного заведения за аморальные поступки, даже судимость. «Естественно против *таких* кандидатур возражений не было», – писал в отчете за 1978 г. вологодский уполномоченный В.П. Николаев (ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 48 Л. 10). Это облегчало работу по дискредитации «церковников», результатом которой могло стать закрытие прихода. О ключевой роли этих чиновников говорит и фраза из переписки правящего архиерея с религиозной общиной из Шенкурского района Архангельской области: «Если хотите иметь священника, то просите у Уполномоченного» (Текущий архив Архангельского епархиального управления. Ф. 5. Оп. 1. Д. 8. Л. б/н). Сельские приходы, где служили дискредитировавшие себя священнослужители, обычно безлюдели и беднели, а впоследствии закрывались.

Благодаря противоречивой кадровой политике уполномоченных СДР в Архангельской епархии сформировался клир, состоящий на 80% из уроженцев Западной Украины. Несмотря на отдельные конфликты приезжих священников с общинами верующих, расчет чиновников на разрушение связей «чужих» клириков с мирянами не оправдался. Многие украинские «батюшки» сыграли важную роль в сохранении и возрождении православных традиций на архангельской земле [Молодов, 2014, с. 121–124].

По поводу переводов духовенства в другие епархии между уполномоченными велась переписка, в ходе которой давались характеристика служителю культа, рекомендации по его регистрации (ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 94. Л. 60–61). Иногда для большей убедительности высылались газетные статьи и фельетоны о конкретных священнослужителях (ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 94. Л. 6). Уполномоченный по Московской области сообщал коллегам о лицах, желающих поступать в духовную семинарию (г. Загорск), для проведения с ними «воспитательных» мероприятий по месту жительства (ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 98. Л. 146).

Чиновники нетерпимо относились к образованным и активным священникам, привлекавшим верующих в храм, и проводили мероприятия по их дискредитации. В 1964 г. в Вологодской епархии снят с регистрации за совершение обрядов на дому будущий архиепископ Михаил (Мудьюгин) (Текущий архив..., 1964, с. 3). В 1983 г. отец Георгий (Эдельштейн) обвинялся в хищении икон и церковных книг, но впоследствии факты не подтвердились [Эдельштейн, 2005, с. 146–151]. Есть сведения, что в 1970-е гг. некоторых священников «как религиозных фанатиков» (видимо, с ведома УСДР) отправляли в закрытые психиатрические учреждения (ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 146. Л. 10).

За незначительные правонарушения или просто активную деятельность священников вызывали на беседу в райисполком, а иногда к уполномоченному. Отец Георгий (Эдельштейн) вспоминает, что на встречах с вологодским уполномоченным ему постоянно задавали три вопроса: «Зачем так много на требы по окрестным деревням ходишь?», «Зачем ходишь в общественных местах в рясе и с крестом?» и «Зачем помогаешь людям ходатайствовать об открытии новых приходов?» [Эдельштейн, 2005, с. 24]. Снятие с регистрации применялось в качестве меры наказания священнослужителей только за грубые нарушения законодательства о культах, что на Русском Севере происходило редко. В целях сохранения стабильной приходской жизни правящие архиереи предписывали духовенству вести себя осторожно, не провоцируя областные и местные власти на применение крайних мер.

Особо нужно сказать о взаимоотношениях УСДР и правящих архиереев. Как пишет Д. Поспеловский, «после рукоположения и назначения на епархию <...> епископ наносил первый визит на месте уполномоченному Совету по делам религий и делал ему ценные подарки. Вся его будущая деятельность <...> зависит почти исключительно от отношений с уполномоченным» [Поспелов-

ский, 1995, с. 339]. В ежегодных отчетах в Патриархию епископы докладывали, например: «уполномоченный стал проявлять больше объективности к текущим вопросам и нуждам епархии», «отношения с областным уполномоченным в целом нормальные» (Текущий архив..., 1982., с. 5; 1984, с. 6).

Правящие архиереи по поводу назначений и переводов духовенства внутри епархии обращались к уполномоченным с ходатайствами, просили их «благосклонного согласия» (ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 166. Л. 1; ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 22. Л. 12). Эти обращения редко находили отклик у уполномоченного, и такие просьбы отклонялись с формулировками «не вижу надобности» или «не целесообразно». Уполномоченный С.В. Матасов, пользуясь общими нормами законодательства о культах, разработал сложный механизм выдачи справки о регистрации служителя культа, поднимающий, по его мнению, роль исполнительного органа при найме священнослужителя. «Я поступаю так, как понимаю инструкцию Совета по этому вопросу», – писал он в дополнение к отчету за 1970 г. (ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 32. Л. 45).

Уполномоченные вмешивались во внутренние дела религиозных общин, устанавливая через исполнительные органы приходов цены на свечи и предметы культа, принуждая сокращать штаты духовенства (Текущий архив..., 1961, с. 2; ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 98. Л. 220). В Архангельской области П.Я. Сазонов предписал архиерею «дать указание всем настоятелям церквей о прекращении колокольного звона», в результате чего почти на тридцать лет замолкли колокола всех приходов (Текущий архив Архангельского... Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 46) [Молодов, 2012-1, с. 18–21]

Во взаимодействии с Советом по делам религий уполномоченным решались вопросы снятия с регистрации религиозных объединений, для чего в центральный орган направлялось аргументированное письмо. Как правило, отказов в закрытии приходов не было, поскольку чиновники на местах знали требования инструкций и высылали материалы на заведомо бесперспективные приходы с аварийными храмами.

Уполномоченные хотели расширить возможности вмешательства в приходскую жизнь и запрашивали у Совета по делам религий информацию об опыте контроля за исповедиями и проповедями, о возможности доступа к богослужебным журналам, хранившимся в алтаре храма [Молодов, 2012б, с. 84–94].

Перелом в государственно-церковных отношениях в конце исследуемого периода наглядно проявился в деятельности СДР и его уполномоченных. Вместе с новым председателем СДР, К.М. Харчевым, появились новые уполномоченные Совета в регионах. В начале 1988 г. уполномоченным по Вологодской области назначен Н.А. Воронин, а в Архангельской области с 1987 г. СДР представлял М.Ф. Ксенофонтов. Теперь цели и задачи данных чиновников, как и в целом Совета, существенно изменились. И личности уполномоченных, как видится, не были такими зловещими, как воинствующих атеистов 1960–1970-х гг.

С 1988 г. СДР начинает «перестраиваться» и рассылает рекомендации «ломать сложившиеся стереотипы в мышлении и поведении», т.е. не препятствовать регистрации новых религиозных общин и передаче им церковных сооружений, исключить вмешательство в дела органов приходского управления (ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 241. Л. 44–45). В Вологодской области отмечается значительное распространение православной обрядности, основной причиной которого, по мнению уполномоченного, стала отмена паспортной регистрации лиц, совершающих требы (ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 61. Л. 3).

Впервые за изучаемый период уполномоченным дана отрицательная оценка фельетону «Поп и кампания» (газета «Знамя» Красноборского района от 1 августа 1987 г.) (ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 237. Л. 11), что ознаменовало окончание кампании по дискредитации духовенства, ранее широко проводимой в СМИ. Как видно из документов, уполномоченный по Архангельской области М.Ф. Ксенофонтов неоднократно идет навстречу нуждам верующих (ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 241. Л. 4, 18–19).

В 1988 г. в Вологодской области впервые за 40 лет зарегистрировано религиозное объединение в г. Тотьме, а в отчете уполномоченного сообщается о позитивных сдвигах в отношениях с Церковью (ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 61. Л. 2, 5; Д. 63. Л. 2–3). По словам М.Ф. Ксенофонтова, ему «пришлось проводить политику партии, направленную на освобождение церквей из-под гнета государства» [Ксенофонтов, 1997, с. 7].

Оценка эффективности деятельности уполномоченных представляется весьма сложной зада-

чей. Контролируя соблюдение законодательства о культах, они с помощью районных властей и отдельных граждан выявляли его нарушения как со стороны духовенства и верующих, так и со стороны местных чиновников. В отчетах УСДР Совету нарушения указывались отдельным перечнем. Казалось бы, чем больше выявленных нарушений, тем выше эффективность деятельности уполномоченного. Однако рост количества выявленных правонарушений для СДР мог свидетельствовать о недостатках в работе уполномоченного – ослаблении контроля, его «мягкотелости», низкой требовательности и т.п. Поэтому докладывать Совету об активизации духовенства и верующих, подтверждаемой ростом числа нарушений законодательства о культах, как и об увеличении числа обрядов и размеров доходов епархии, было недальновидным поступком. Как представляется, в отчетах, направляемых СДР, уполномоченные дозировали подобную информацию, стремясь, если возможно, показать стабильность или постепенное снижение отчетных показателей.

Еще одним наглядным показателем эффективности деятельности УСДР может считаться динамика количества зарегистрированных в регионе религиозных объединений. Известно, что долгосрочной целью партийно-государственного аппарата того периода являлась ликвидация любых проявлений религиозности населения. Ситуация, в которой оказались уполномоченные, была весьма противоречивой. С одной стороны, их деятельность, как и в целом СДР, заключалась в контроле за соблюдением процедуры закрытия приходов, т.е. снятия с регистрации религиозных объединений. С другой стороны, как показывают материалы по Русскому Северу, Совет и его уполномоченные часто ограждали духовенство и общины верующих от произвола местных чиновников, противодействуя администрированию и вмешательству во внутренние дела приходов. Однако, будучи частью государственного аппарата и членами КПСС, они были вынуждены негласно решать общие для всех политические и идеологические задачи в сфере вероисповедной политики.

Действительно, при отдельных уполномоченных закрывалось большее количество приходов. Но являлось ли это их личной заслугой? В изучаемый период все уполномоченные СДР организовывали мероприятия, направленные на подавление религиозной активности населения и ослабление финансового положения Церкви. Однако результаты успешной работы определенного уполномоченного могли проявиться в период деятельности его преемника, что не позволяет использовать указанный критерий оценки эффективности работы конкретного чиновника.

Многое в деятельности УСДР зависело от конфессиональной политики государства. Безусловно, наиболее жестко действовали чиновники в эпоху «хрущевской» атаки на Церковь (1958–1964 гг.), когда закрытие приходов и снятие священников с регистрации стало обычным делом. С 1988 г. роль уполномоченных коренным образом изменилась, а СДР стал рассылать им совсем иные директивы: «Разрешай всё, но постепенно» [*Ксенофонов, 1997, с. 7*].

В 1960–1980-е гг. объективным процессом было сокращение сельского населения и на фоне этого постепенный уход из жизни религиозных активистов (обычно пожилых женщин), составлявших ядро православных общин. В итоге в местности, где действовал приход, от необходимой по закону «двадцатки» единоверцев оставалось менее половины их.

Среди предпосылок закрытия храма нельзя не упомянуть чрезвычайные обстоятельства. В частности, несколько деревянных церквей Архангельской епархии пострадали от пожара в результате попадания молнии, неисправности дымохода или замыкания электропроводки. При отсутствии материальных возможностей для восстановления церковного здания община верующих, как правило, от него отказывалась, что приводило к ее снятию с регистрации.

Анализ динамики закрытия приходов не позволяет оценить эффективность деятельности уполномоченных СДР по Вологодской области, поскольку Вологодская епархия являлась уникальным субъектом церковного управления, где за 1949–1988 гг. не закрылся ни один из 17 приходов.

Как показало исследование, органы контроля за религиозными объединениями и их уполномоченные не стали посредниками в государственно-церковных отношениях, они негласно вели активную работу по искоренению религии, стараясь не допускать открытого давления и администрирования. Как представляется, единственным критерием, позволяющим объективно оценить деятельность УСДР, является её соответствие требованиям действующего законодательства, в определенной мере ограничивающего произвол в отношении духовенства и верующих. Вместе с тем уполномоченными допускалось и злоупотребление правом, а пробелы в нормативных актах давали возможность произвольно толковать и применять отдельные нормы.

Примечания

¹ В настоящее время территория Русского Севера определяется на севере границами Республики Карелия и Архангельской области, а на юге – границами Вологодской области. Данная статья выполнена на материалах региональных архивов Архангельской и Вологодской областей.

Список источников

Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 894 Оп. 9. Д. 2500. Л. 19–19 об; Ф. 1948 Оп. 3. Д. 822. Л. 1–3; Ф. 1948. Оп. 3. Д. 1085. Л. 1, 58.
ГААО. Ф. 5620 (Уполномоченный Совета по делам РПЦ по Архангельской области). Оп. 3. Д. 94. Л. 6, 60–61; Д. 98. Л. 72–81, 146, 220; 146. Л. 10; Д. 166. Л. 1; Д. 237. Л. 11; Д. 241. Л. 4, 18–19, 44–45.
Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 826 (Грязовецкий райисполком). Оп. 7. Д. 140. Л. 4.
ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14 (Уполномоченный Совета по делам РПЦ по Вологодской области). Д. 22. Л. 12; Д. 23. Л. 51; Д. 32. Л. 45; Д. 48. Л. 10; Д. 61. Л. 2–5; Д. 63. Л. 2–3.
ГАВО. Ф. 1300 (Вологодский Областной исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся). Оп. 22. Д. 97. Л. 119–119 об.
Ксенофонтов М. Последний уполномоченный // АИФ в Архангельске. 1997. № 27.
Текущий архив Архангельского епархиального управления. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 46; Ф. 5. Оп. 1. Д. 8.
Текущий архив Вологодского епархиального управления. Годовой отчет за 1961 г. С. 3.
Текущий архив Вологодского епархиального управления. Годовой отчет за 1964 г. С. 3.
Текущий архив Вологодского епархиального управления. Годовой отчет за 1982 г. С. 5.
Текущий архив Вологодского епархиального управления. Годовой отчет за 1984 г. С. 6.
Эдельштейн Г., прот. Записки сельского священника. М., 2005.

Библиографический список

Демидова Н. Совет по делам Русской православной церкви и Московская патриархия: штрихи к взаимоотношениям // Гос. служба. 2007. № 2(46).
Маслова И.И. Совет по делам религий при Совете министров СССР и Русская Православная Церковь (1965–1991) // Отеч. история. 2005. № 6.
Молодов О.Б. О запрете колокольного звона в Архангельской области в 1950–1980-е гг. // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012а. № 3(40).
Молодов О.Б. Источники о контроле за проповедями православного духовенства Вологодской епархии в 1960–1980-е гг. // Вестник архивиста. 2012б. № 4.
Молодов О.Б. Украинизация клира Архангельской православной епархии в 1950–1980-е гг. // Вестник Института Екатерины Великой. 2014. № 2(26).
Митрохин Н. Болезнь под названием «фонд уполномоченного», или несколько страниц об актуальных проблемах изучения религиозности в СССР // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4.
Одинцов М.И., Чумаченко Т.А. «Работа Совета по делам Русской православной церкви носила политический характер...» // Свобода совести в России: ист. и совр. аспекты. М., 2005. Вып. 2. URL: <http://www.rusoig.ru/03print/04/34/index.html> (дата обращения: 11.05.2013).
Поспеловский Д. Русская Православная Церковь в XX в. М., 1995.
Чумаченко Т.А. Совет по делам РПЦ при СНК (СМ) СССР. 1943–1965 гг.: дис. ...докт. ист. наук. М., 2011.

Дата поступления рукописи в редакцию 18.08.2014

COMMISSIONERS OF THE COUNCIL FOR RELIGIOUS AFFAIRS AND REALIZATION OF THE STATE RELIGIOUS POLICY IN THE RUSSIAN NORTH, THE 1960s – 1980s

O. B. Molodov

Institute of Socio-Economic Development of Territories, Russian Academy of Sciences, Gor'kogo str., 56a, 160014, Vologda, Russia
o_young8172@mail.ru

In 1943–1991, there were special state bodies in the USSR to control the observance of the legislation on religious cults. The Council for Religious Affairs (until 1965, the Council for Affairs of the Russian Orthodox Church)

played an important role in stabilizing the relationship of regional and local authorities with religious associations. The commissioners of the Council for Religious Affairs had wide powers in the implementation of the state religious policy. They made decisions on registration and de-registration of religious communities and clergy. In their daily activities, the commissioners solved many issues related to the activities of the Orthodox communities, bishops and clergy (such as monitoring of liturgies and sermons of bishops and clergy, performance of religious ceremonies and rituals, as well as personal life of clergy and churchwardens, prices for candles, and other objects of worship). They worked in close cooperation with the Council for Religious Affairs, regional and local authorities, law enforcement agencies (the militia and the KGB). Together they solved the tasks on the prevention and suppression of possible illegal actions of clergy and believers. Imperfect legislation on religious cults gave the commissioners the opportunity for abuse of power in combating manifestations of religiosity among local population. The Council for Religious Affairs and its commissioners in the regions fulfilled its function of a “buffer” in the church-state relations only partially. Due to totalitarian regime, they had to take the position of “militant atheism” and to eliminate religious beliefs.

Key words: state, Russian Orthodox Church, Council for Religious Affairs, commissioners, clergy, believers.

References

- Gosudarstvennyj arhiv Arhangel'skoj oblasti (GAAO). F. 894 (Oktyabrskiy raysovet deputatov trudyaschihsya g. Arhangel'ska i ispolnitelnyiy komitet). Op. 9. D. 2500. L. 19–19 ob.
- GAAO. F. 1948 (Lomonosovskiy raysovet deputatov trudyaschihsya g. Arhangel'ska i ispolnitelnyiy komitet). Op. 3. D. 822. L. 1–3.
- GAAO. F. 1948. Op. 3. D. 1085. L. 1, 58.
- GAAO. F. 5620 (Upolnomochennyiy Soveta po delam RPTs po Arhangel'skoy oblasti). Op. 3. D. 94. L. 6, 60–61.
- GAAO. F. 5620. Op. 3. D. 98. L. 72–81, 146, 220.
- GAAO. F. 5620. Op. 3. D. 146. L. 10.
- GAAO. F. 5620. Op. 3. D. 166. L. 1.
- GAAO. F. 5620. Op. 3. D. 237. L. 11.
- GAAO. F. 5620. Op. 3. D. 241. L. 4, 18–19, 44–45.
- Gosudarstvennyj arhiv Vologodskoj oblasti (GAVO). F. 826 (Gryazovetskiy rayispolkom). Op. 7. D. 140. L. 4.
- GAVO. F. 1300. Op. 14 (Upolnomochennyiy Soveta po delam RPTs po Vologodskoy oblasti). D. 22. L. 12.
- GAVO. F. 1300. Op. 14. D. 23. L. 51.
- GAVO. F. 1300. Op. 14. D. 32. L. 45.
- GAVO. F. 1300. Op. 14. D. 48. L. 10.
- GAVO. F. 1300. Op. 14. D. 61. L. 2–5.
- GAVO. F. 1300. Op. 14. D. 63. L. 2–3.
- GAVO. F. 1300 (Vologodskiy Oblastnoy ispolnitelnyiy komitet Soveta deputatov trudyaschihsya). Op. 22. D. 97. L. 119–119 ob.
- Demidova N.* Sovet po delam Russkoj pravoslavnoj cerkvi i Moskovskaya patriarhiya: shtrihi k vzaimootnosheniyam. *Gosudarstvennaya sluzhba.* 2007. № 2(46).
- Ksenofontov M.* Poslednij upolnomochennyj. *AIF v Arhangel'ske.* 1997. № 27.
- Maslova I.I.* Sovet po delam religij pri Sovete ministrov SSSR i Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' (1965–1991) *Otechestvennaya istoriya.* 2005. № 6.
- Mitrohin N.* Bolezn' pod nazvaniem «fond upolnomochennogo» ili neskol'ko stranic ob aktual'nyh problemah izucheniya religioznosti v SSSR. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom.* 2012. № 3–4.
- Molodov O.B.* O zaprete kolokol'nogo zvona v Arhangel'skoj oblasti v 1950–1980-e gg. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta.* 2012. № 3(40).
- Molodov O.B.* Istochniki o kontrole za propovedyami pravoslavnogo duhovenstva Vologodskoj eparhii v 1960–1980-e gg. *Vestnik arhivista.* 2012. № 4.
- Molodov O.B.* Ukrainizaciya klira Arhangel'skoj pravoslavnoj eparhii v 1950–1980-e gg. *Vestnik Instituta Ekateriny Velikoy.* 2014. № 2(26).
- Odintsov M.I., Chumachenko T.A.* «Rabota Soveta po delam Russkoj pravoslavnoj cerkvi nosila politicheskij harakter...». *Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskij i sovremennyj aspekt.* Vyp. 2. M., 2005. URL: <http://www.rusoir.ru/03print/04/34/index.html> (data obrashcheniya: 11.05.2013).
- Pospelovskij D.* Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v HKH v. M., 1995.
- Tekushchij arhiv Arhangel'skogo eparhial'nogo upravleniya. F. 1. Op. 1. D. 3. L. 46.
- Tekushchij arhiv Arhangel'skogo eparhial'nogo upravleniya. F. 5. Op. 1. D. 8.
- Tekushchij arhiv Vologodskogo eparhial'nogo upravleniya. Godovoj otchet za 1961 g. S. 3.
- Tekushchij arhiv Vologodskogo eparhial'nogo upravleniya. Godovoj otchet za 1964 g. S. 3.
- Tekushchij arhiv Vologodskogo eparhial'nogo upravleniya. Godovoj otchet za 1982 g. S. 5.
- Tekushchij arhiv Vologodskogo eparhial'nogo upravleniya. Godovoj otchet za 1984 g. S. 6.
- Chumachenko T.A.* Sovet po delam RPC pri SNK (SM) SSSR. 1943–1965 gg.: dis. ...d-ra ist. nauk (07.00.02). M., 2011.
- Edel'shtejn G.,* prot. Zapiski sel'skogo svyashchennika. M., 2005.